

Курьера. — 1998. — 29 янв. — с. 12

Трагедия КОЛДОВСКОГО озера

19

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Моя первая встреча с Минусинским театром произошла в Иркутске, на Вампиловском фестивале, где минусинцы играли пьесу А.Соколовой "Фантазии Фарятьева". Там же я узнала о репертуаре театра — необычном не только для города, население которого насчитывает около 75 тысяч. Здесь идет "Гранатовый браслет" по Куприну, совсем недавно состоялась первая в стране премьера новой пьесы С.Лобозерова "...Его алмазы и изумруды". А молва о чеховской "Чайке" в постановке Алексея Песегова долетела и до столицы.

Впрочем, начать бы стоило, наверное, с самого этого города, связанного с декабристами (маленький Музей декабристов в доме, где жили некогда братья Крюковы и бывал М.В.Петрашевский, ничуть не теряется на фоне пятиэтажек, а сотрудники его приветливы и заботливы к каждому, переступающему порог). Вторым культурным центром города по праву является театр, основанный в 1882 году и сегодня носящий имя Минусинского государственного драматического.

"Чайка" — простой и одновременно очень тонкий спектакль. Он выстроен на неожиданных, но на самом деле заложенных Чеховым в текст пьесы сцеплениях и ассоциациях.

В спектакле резко, почти встык прозвучали страстные слова Нины Заречной (Ольга Тайшихина) о том, что она любит Тригорина еще сильнее, чем прежде, и невесомая по чувству реплика самого писателя (Павел Семенихин): "Не помню!.." — по поводу чучела чай-

ки, подстреленной некогда на этом колдовском озере.

И стало вдруг ясно на самом этом стыке, что никаких новых форм нет и быть не может, если родятся они пусть даже под чьим-то талантливым пером, но без чувства.

Треплев (Андрей Шарыпов) внезапно понял, что подлинного смысла нет в его усилиях. Нина же, игравшая в его пьесе беспомощно, как абитуриентка театрального института, а в сценах с Аркадиной (блистательная работа Галины Саломатовой), старательно копируя ее жесты, в финале предстанет настоящей актрисой. И когда она вновь выйдет на подмостки разваливающейся сцены на берегу озера, где застрелился Треплев, и с неистовой страстью повторит над мертвым другом слова о "львах, орлах и куропатках", зрительный зал замрет от страшного, трагического ощущения, что вместе с Треплевым для нее "все жизни, свершив печальный круг, угасли".

Мощная трагическая мысль о невозможности творчества без любви в спектакле Алексея Песегова поддержана простой, но выразительной сценографией Светланы Ламановой и удивительно красивой музыкой Ивана Миронца. Она умело акцентирована и в других "партиях": в трогательном Сорине (Михаил Горбунов), которому так не хочется умирать, в циничном, но умеющем тонко чувствовать докторе Дорне (Юрий Химченко), разгадавшем в пьесе Треплева то, о чем, может быть, тот и сам еще не догадывался. Во всех других персонажах, сыгранных необыкновенно просто и точно Павлом Семенихиным и Ларисой Никитиной, Николаем Чарушниковым и Сергеем Быковым, Сергеем Усиковым, Натальей Плюховой и Вадимом Ачисовым.

Театр драмы. Минусинск. Сцена из спектакля "Чайка".
Маша — И.Борисевич, Дорн — Ю.Химченко